

Катерина Кеннеди

НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

Руководство по выживанию в Европе,
или О чем не рассказывают туристам

Юмористические истории, собранные в книге, иллюстрируют трудности диалога культур и дают практические рекомендации: как себя вести, чтобы жить за рубежом было проще. Это яркий опыт исследования западного менталитета и погружение в неисчерпаемую тему «загадочной русской души».

Катерина Кеннеди

**На разных языках. Руководство
по выживанию в Европе, или
О чем не рассказывают туристам**

«Издательские решения»

Кеннеди К.

На разных языках. Руководство по выживанию в Европе, или
О чем не рассказывают туристам / К. Кеннеди — «Издательские
решения»,

ISBN 978-5-44-741251-7

«На разных языках» — легкое чтение с глубоким подтекстом. Все истории в книге реальные. Их автор — молодая журналистка, прибывшая в Европу по контракту au pair. Отчаянно не чувствуя себя здесь «своей», героиня понимает: владеть иностранным недостаточно. Пытаясь наладить диалог культур, она постигает законы «Жизни в Евро». «Энциклопедия менталитетов», которая перед вами — это занимательное изображение национальных особенностей разных стран и своеобразное практическое пособие по жизни в Европе.

ISBN 978-5-44-741251-7

© Кеннеди К.
© Издательские решения

Содержание

О книге	6
Благодарности	7
Часть первая. Приезд. Я понимаю Принца Гамлета	8
Спасибо	9
Песни не заказывать	10
Hyggeligt	13
Самоучитель датского	15
С тряпкой в руках	18
Нильс умеет кричать	21
Журналист	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

На разных языках Руководство по выживанию в Европе, или О чем не рассказывают туристам

Катерина Кеннеди

Иллюстратор Екатерина Грезина

Иллюстратор Сергей Корсун

Иллюстратор Николай Свириденко

Иллюстратор Сергей Белозеров

Иллюстратор LEE GONE PUBLICATIONS “from The How To Be British Collection”

www.lgpcards.com Brighton, UK

© Катерина Кеннеди, 2019

© Екатерина Грезина, иллюстрации, 2019

© Сергей Корсун, иллюстрации, 2019

© Николай Свириденко, иллюстрации, 2019

© Сергей Белозеров, иллюстрации, 2019

© LEE GONE PUBLICATIONS “from The How To Be British Collection”

www.lgpcards.com Brighton, UK, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4474-1251-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О книге

«На разных языках» – легкое чтение с глубоким подтекстом. Все истории в книге реальные. Их автор – молодая провинциальная журналистка, прибывшая в Европу по контракту au pair. Отчаянно не чувствуя себя здесь «своей», она понимает: владеть иностранным недостаточно – ведь европейцы в прямом и переносном смысле говорят с нами на разных языках. Пытаясь наладить «диалог культур» и постичь душу чужой страны, она развенчивает стереотипы и раскрывает правду о «жизни в Евро».

За десять лет автору довелось сменить четыре страны и побывать в отношениях с представителями радикально противоположных культур. «Энциклопедия менталитетов», которую вы держите в руках, – это не только занимательное изображение национальных особенностей разных стран, но и своеобразное практическое пособие по жизни в Европе.

Благодарности

Хочу выразить благодарность всем, кто помогал мне в создании книги:

Особое спасибо мужу Найлу Кеннеди за терпимость к моему научно-исследовательскому анализу, активное участие в диалоге культур и разрешение использовать в книге выдержки из этого диалога.¹

Большое спасибо моей маме, всей семье и друзьям за веру, моральную поддержку и часто – материал для зарисовок.

Огромная благодарность моей крестной матери Алукаевой Татьяне за участие в анализе культур и проницательные заключения на эту тему.

Спасибо всем зарубежным друзьям за терпение к моим нескончаемым вопросам и стремление постичь «загадочную русскую душу».

Спасибо моему учителю, товарищу и другу Наталье Сметневой за блестящее преподавание русской литературы в школе, конструктивные комментарии по книге и пиццу для размышлений по жизни.

Спасибо тренеру и журналисту Анне Баганаевой за профессиональное и личное участие в судьбе произведения.

Особая благодарность главному иллюстратору книги Екатерине Гресиной за поистине русский творческий подход, а также автору отдельных карикатур Сергею Корсуну за истинно русскую щедрость!

¹ Special thanks to my husband, Niall Kennedy, for his patience during my «scientific research», his active part in our cultural dialogue and his permission to use parts of this dialogue in this book.

Часть первая. Приезд. Я понимаю Принца Гамлета

Екатерина Грезина

Спасибо

«...Положа руку на сердце, Макс, одно твое слово, и я бы осталась. И мы построили бы с тобой рай здесь, в России. Пусть все считали бы меня напрочь рехнувшейся, предавшей свое будущее... Я бы сделала это только ради веры, что чувство наше не может быть вот так выброшено в мусорный контейнер.

Именно НАШЕ чувство.

Откуда такая уверенность?

Не знаю.

Я просто ощущаю его. Всегда. Везде. Что бы ни происходило с нами в мире внешнем. На каком бы расстоянии мы ни находились друг от друга.

А жить...

Совсем не важно, где: в Европе, Африке, Арабских Эмиратах. Можно жить во дворце из золота и не быть при этом счастливым...

И нет ничего хуже, чем лгать всю жизнь самому себе.

Я мечтала увидеть нового Макса. Который понял, знает и готов шагнуть навстречу.

Но ты все еще считаешь силу слабостью.

И теперь я, наверное, должна сказать тебе за это спасибо.

Когда закрываются одни двери – открываются другие.

Я просто хочу, чтобы ты все знал. Глупый такой страх – не сказать.

Прости, если причиняла тебе боль – я никогда не делала этого намеренно. И сейчас я пишу, чтобы отпустить друг друга с миром и любовью – и строить уже новую, «взрослую» жизнь. И мы должны принять это вместе, сознательно, не держа друг на друга зла и обид...

И еще: я читала, что две души встречаются, чтобы научить друг друга чему-то.

Ты научил меня любить.

Спасибо, Максим.

Я буду помнить».

Датская королева Маргрете Вторая грациозно улыбается с конверта, куда я дрожащими руками вкладываю пять сложенных листов формата А4. Если не отправлю сегодня – уже никогда. Почему-то маме и Максиму я до сих пор писала от руки. Я знала, что он не ответит, возможно, и не поймет ничего. Но я говорила последнее «до свидания» не ему, а своему прошлому, такому мучительному и странному. Я благословляла и отпускала его, ИХ, без сожалений и горечи – чтобы честной перед самой собой вступить в новую жизнь. Какую – я пока не знала точно, лишь знала, что не хочу иметь жизнь никого из знакомых мне людей. Я написала письмо без единого исправления, без единой помарки – как будто сам Бог управлял моей рукой.

Песни не заказывать

К стойке диджея датской дискотеки Crazy Daisy скотчем приклеена вывеска: «Песни не заказывать». По-русски. Это как же надо было его достать, улыбнулась я. На том же листе, ниже аршинной кириллицы – крошечный перевод по-английски. «Две недели уже висит, – пояснила Лиля, первая, с кем я познакомилась здесь, в уютном городке уютного полуострова Юлланд. – Одноклассники рассказывали, что он, – подруга кивнула на диджея, – даже заплатил какой-то русской за изготовление. Вывеска появилась после Пашкиного дня рождения. Ну, помнишь Пашку, рядом с тобой сидит на уроках? Они тогда полшколы здесь собрали!»

Мой датско-русский класс сливался пока в одно размытое пятно. Я нанесла лишь ознакомительный визит в школу, где мне надлежало почти год учить датский с его легендарным ютландским акцентом – таким «знаменитым», что его скрывают даже политические деятели, вышедшие из этого региона. Однако о том, что я попала на исконно аграрную землю с его фермерским диалектом, я тогда наивно не имела представления, как и о том, как вообще выучу этот язык, кажущийся на слух бормотанием перепившего человека.

Итак, мне предстояло целый год прожить в благополучной датской семье одной из самых благоустроенных стран на свете и ближе познакомиться с отважными викингами и волшебным королевством Ханса Кристиана Андерсена. А сейчас я наслаждалась своей первой вечеринкой в чужой стране.

Когда мы вошли, занят был один столик – славянами. Бармен приветливо улыбнулся и приготовил стаканы. Для датчан не принципиально зайти до одиннадцати, чтобы получить бесплатный коктейль. Публика начинала подтягиваться к часу. Посетители, прилепившись к бледно-розовым стенкам, цедили напитки. Зал напоминал улей, где лениво роились пчелы разного калибра, но одинаковые на вид. Викинги брали количеством, безусловно, но вскоре я перестала отличать одного от другого: стандартный начес, приспущенные джинсы с торчащим наружу бельем и заправленная в трусы футболка делали их похожими на семью Симпсонов в национальном масштабе.

В перерывах между напитками Лиля рассказывала о местных нравах. «Если ты знаешь одного датчанина – то знаешь их всех! Они клонированные, – сама развеселилась она своей шутке. – Говорят одно и то же, думают одно и то же, спрашивают одно и то же. Даже невероятно, как у людей не может быть никакой индивидуальности! Поэтому мне и нравится мой Томас – он другой». Лиля встречалась с мужчиной, возраст которого изящно умалчивала. Она была единственная здесь, которая открыто говорила о цели своего пребывания, и меня очаровывала ее уверенность в себе: «Я из Магадана приехала задницы датским детям вытирать? Раз приехала – значит останусь!» Очаровывала – потому что у меня самой не было ни уверенности, ни цели. Я еще не совсем точно представляла, зачем я здесь и что будет дальше.

– Лиль, как хотя бы называется эта гадость? – от рюмки с коричневой жидкостью ощущаю тянет ментолом.

– Это лакрицевый ликер, культовый местный напиток. Говорю же, извращенцы.

Неровным шагом мы вступили во второе отделение weekend-программы под названием «бонус», предполагавшее дегустацию местного бара. Вдруг к нам за столик плюхнулась девица с таким мэйкапом, что я решила пристрелить любого, кто еще скажет что-нибудь про русских женщин. Датчанка залепетала что-то на своем языке, приторно улыбнулась и провела рукой мне по бедру. Я инстинктивно отпрянула, и скандинавская Эми Уайнхаус, подмигнув, была такова. Вскоре я стала объектом вожделения еще нескольких викингесс, на что Лиля заявила, что мне лучше не отклонять предложения так быстро – пока не узнаю поближе датских мужчин.

Я поглядывала на крошечный танцпол и прикидывала, сколько все-таки надо выпить, чтобы нескольким сотням человек уместиться на десяти метрах квадратных? Подруга объяснила, что тесная площадка – отличительный признак всех датских дискотек, и это ее нескончаемо злило: «Развернуться негде». Датчане танцевали парочками, и все одинаково. Перекручивались друг у друга под рукой, приближались и отдалялись, как в национальном русском хороводе «Каравай». Они крутились так под всё – от шлягеров Roxette до Шакиры, просто замедляя или наращивая темп. Датские инженеры уже давным-давно придумали машину времени и перенесли всю страну на 50 лет назад – в золотые времена «Аббы» и Джорджа Майкла. С запашком пива, с тесным и полутемным танцполом в датских клубах действительно создавалась романтика 80-х.

Наши угадывались сразу. Даже если ты пытаешься выпрыгнуть из общего кружочка, тебя силой затащат обратно. Было видно, что иностранцев очень злит наша технология танца, потому как им такое чувство коллективизма не свойственно. Но главная причина: места в кружочках – еще на десять таких же. Дания же маленькая страна – иностранцы, опомнитесь!

Через несколько минут я вспомнила, наконец, легендарного Пашу и других одноклассников по языковой школе. Для себя я отметила неоспоримое преимущество славян и прибалтов перед датчанами: те часами смаковали коктейли, дабы достичь нужной танцевальной кондиции, а мы в этой кондиции приходили. Поэтому первый человек на танцполе – всегда русский, украинец, латыш или литовец. (Второй, третий, четвертый и пятый обычно тоже). Скоро одноклассники достигли суперкондиции, когда и брейк-данс, и самба, и танго втроем. Попытки датчан отвоевать у них танцпол оканчивались крахом. Симпатичная, совсем еще юная датчанка в ультракоротком мини и на астрономических шпильках шарахалась от диких плясок Паши вокруг диджейной стойки. Я подумала, что только наши мужчины способны прийти на танцы в лоскут пьяными, но в классических брюках и рубашках.

– Кать, давай последнюю – и танцевать!

Вдруг за плечом иностранный акцент произнес:

– Ты очень красивая девочка!

Голубоглазый блондин по-коровьи пожевывал кусочек лимона, извлеченного из рюмки с текилой. На датчанина не похож. «Девочка» у него получилась практически без акцента.

– Спасибо. Хорошо говоришь по-русски.

– Немного, – он улыбнулся и перешел на английский, – это мои друзья, – и указал на наших украинских собутыльников.

– Ясно, – так вот откуда привычка вылавливать лимоны из водки.

– Ты очень милая... – а этому кто его научил? (я отметила, что русский «ы» иностранцу выговорить все равно не под силу).

– Ты откуда?

– Венгрия. Ми работать вместе. Россия, Украина... Я менеджер на ферме. Их босс.

– Катя, – я подала руку, – здесь меня называют Кейт.

– Я тебя здесь раньше не помню, – под действием бакарди, текилы и этой коричневой гадости я и сама себя уже не помнила.

– Я новенькая. Всего лишь месяц здесь, вместе с ребятами в школе. Прости, я немного устала, лучше пройдусь.

Я шла к двери у думала о том, что после клуба мне предстоит 20-километровый спринт на велосипеде домой – в кромешной тьме.

Заиграла очередная композиция в стиле 70-х, и толпа нанесла меня на высоченного блондина. Начесанный и отлаченный чуб делал скандинава сантиметров на десять выше. Блондин подхватил меня за талию и поволок к столику, заплетающимся языком расспрашивая, откуда я и что делаю в Дании. Я с тоской подумала, что сказания о разорительных нашествиях викин-

гов – не пустые легенды. Блондин улыбнулся и сказал: «Хай!» Потом протянул деньги, стрельнув взглядом в сторону бара: «Купи себе коктейль». «Лучше сам себе купи!» – разозлилась я и поспешила исчезнуть, как вдруг перед входом вырос пухленький Ричард. (И кто только дал ему такое аристократическое имя?)

– Ты на чем домой?

– Какой смешной вопрос. На чем люди ездят в Дании?

Ричард просиял.

– Ну, на авто лучше будет. Подвезти?

Hyggeligt

Мой датский хозяин Нильс долго и внимательно рассматривает мордовскую куклу с красными помпонами по бокам и плодородно вздымающимся над национальным платьем бюстом, переданную в подарок моей мамой. Затем он спрашивает, встанет ли завтра утром, если они с Клаусом выпьют всю бутылку водки, также привезенной мной.

Нильс являл из себя двухметрового гиганта (...возможно, легенда о богатырской силе норманнов не пустое предание) с огромными очками на переносице, отчего его глаза казались в четыре раза больше (...а возможно, и да). Но если начистоту, я не уверена на сто процентов в его датских корнях – Нильс отчаянно напоминал мне Шурика из «Иван Васильевич меняет профессию», я ничего не могла с этим поделать и все время хихикала при его появлении. Только вот был он не изобретателем и даже инженером, а, по словам его помощника Клауса, «очень крутым бизнесменом» – то есть фермером. И если у нас профессия так прозаично звучит, то в Дании это весьма уважаемая прослойка общества. На фермерах держится основная часть экспорта государства, отчего оно им всячески помогает и субсидирует. Все знают, что аграрии считаются здесь людьми весьма зажиточными, хотя вслух об этом никто не говорит. Фермеры традиционно жалуются на высокие налоги, трудные времена и нехватку урожая.

Огромный двухэтажный особняк соответствовал статусу жилья «очень крутого бизнесмена» только снаружи. Внутри – минимум мебели, много ламп и небольшие цветастые коврики на полу. Все из чистого дерева без каких-либо украшений. Как и в датском характере, в их жилище нет цветочков и узоров, главное – материал и его функциональность. Цвет и орнамент – никому не нужные и бессмысленные излишки. Что объяснимо: в лютеранстве, которое проповедует большинство страны, злоупотребления – смертный грех. Именно из их церквей, как я догадалась впоследствии, и вышел на свет знаменитый скандинавский минимализм.

Запах деревянной мебели и паркета в доме всегда. По утрам он смешивается с горчащим ароматом невкусного кофе из машинки. Вскоре я поняла, что именно с этим запахом Дания будет связана у меня навсегда. Может, это и есть легендарное датское «хюге» – ощущение уюта, которое должно пронизывать тебя с головы до пят. Почему ему придается в Дании такое огромное значение, я тоже, наконец, поняла – попробуйте-ка совместить в своем жилище тот самый лютеранский минимализм и ощущение «хюге». Поэтому датчане решают эту задачу за счет экстерьера – с утра до ночи выбеливают свои сказочные домики, косят газоны и высаживают цветы. Из Дании в мир пришел и стиль интерьера, где уют создается сочетанием простоты и комфорта: мебель только из натуральных материалов, свечи, напольные лампы, геометрическая организация пространства...

У нашей виллы, однако, аскетизм спартанский – и внутри, и снаружи. Перед домом широкая площадка из серого щебня, а сзади просто газон размером с футбольное поле. Моя комната – самая приятная во всем жилище, даже несмотря на то, что она находится в чулане на втором этаже. Вместе с этой берлогой я приняла «в попечение» троих скандинавских детей: Анне-Беллу, Луизу и Питера – с пшеничного цвета волосами и ямочками на щеках, похожих на эльфов из диснеевского мультфильма.

После нашего знакомства хозяин Нильс аккуратно сложил куклу и водку в датский шкафчик в гостиной и отправился проверять своих поросят. Хэлена – моя приемная мама – гремела на кухне тарелками и покрикивает на детей. Она допечет свой кекс, сложит в походную корзинку какао и молоко, и семья отправится на полдничный пикник. Я вспомнила, как, забрав меня с аэропорта, Хэлена поговорила со мной 20 минут, и другие полтора часа мы проехали молча. Когда же прибыли, хозяйка гостеприимно не предложила мне даже бутерброд. «Подъем завтра в семь часов утра», – любезно улыбнулась она и захлопнула за собой дверь. Утром Хэлена привела меня на кухню и пояснила, что сегодня надо вымыть все шкафы, разо-

вину и холодильник, выдраить пол, а потом, как Дед Мороз – конфетку ребенку – вручила мне cleaning plan (график уборки): расписание комнат, которые я должна мыть каждый день, и моего распорядка дня. До обеда – уборка, после обеда – утюжка и расфасовка одежды ее, Нильса и троих детей... Я же теряла дар речи и последнюю веру в цивилизованный мир: разве это называется «легкая домашняя работа», как обозначалось в контракте?

Самоучитель датского

Первый вопрос, который возник у меня по поводу изучения датского языка – о целесообразности этого самого изучения. Как-то нерационально тратить время и деньги на язык, на котором в мире разговаривают всего лишь пять миллионов человек. При том, что сами говорящие отлично изъясняются на английском. «Не лучше ли английский подтянуть?» – думала я. Однако нет, позже я уяснила, что на нем датчане общаются неохотно, а иногда и вовсе игнорируют задаваемые им вопросы. Или брезгливо переспрашивают: «Вэ-э?» (Hvad – по-датски «что»).) Без датского, какой бы сверхъестественный английский у тебя ни был, ты всегда останешься чужаком. Поэтому я с тоской в сердце решила освоить этот язык как инструмент, облегчающий мне пребывание в чужой стране.

И вот я поднимаюсь по серым ковровым ступеням на второй этаж белого квадратного здания, чувствуя, что не хватает мне только букета гладиолусов в руке. Не буду рассказывать о тонкостях датской системы обучения, как и описывать преподавательниц, пошли им бог краски для волос. Буду говорить о языке.

– Вэа хила ду? – седая, но еще не пожилая женщина, с копной бесформенных волос хитро улыбается. Ее живость совершенно не вяжется с измученным и неопрятным видом.

– А-а... – моля о подсказке, смотрю на преподавательницу, на русскую учительницу Карину и снова на преподавательницу.

Миссия Карины – помогать русскоязычным ученикам адаптироваться в языковом центре. Впервые в этом году школа набрала целый класс славянских студентов, и преподавать нам назначили двух педагогов вместо одного. Это был образовательный эксперимент. Правда, мне казалось, что Карина внедрена в него в качестве развлекательного элемента. Она учила нас отборному датскому сленгу. Курила вместе со всеми на переменках и обучала законам жизни в незнакомой стране. А еще отлично гадала на картах. Преподавательница была замужем за датчанином, и девочки пытались вытянуть подробности о ее личной жизни. На уроках датской учительнице не раз приходилось снисходительно улыбаться, пока класс обсуждал актуальное. На русском языке.

Итак, она, пригнувшись, зашептала мне:

– Повторяй за мной: яй хила Кейт. («Меня зовут Кейт»).

– Яй хила Кейт.

– Яй за ту о тувэ о.

– Яй за ту о тувэ о. Господи, а это что такое?

– Что тебе 22.

Первый урок новенького был любимым цирковым представлением класса. Каждый вспоминал свою презентацию, когда и над ним хохотали до слез. Новообращенный традиционно представлялся группе. Рассказывал, откуда, сколько в Дании, чем здесь занимается, а также о своем возрасте и семейном положении. Все были свободными и бездетными. Даже те, у которых, позже выяснялось, по двое и трое детей. Непонятные моменты датская учительница объясняла на английском или просила Карину перевести. Та, задерганная нашими вопросами, взрывалась снова и снова.

– Ну что вы, блин, такие бестолковые?

С первого дня занятия в датской школе навели меня на мысль, что зря я затеяла эту учебу. Произносить вместе со всеми «яй хила» («меня зовут...») и «вэ-а хила ду» («как тебя зовут...»), высунув на полметра язык, было стыдно. Почему стыдно? Сейчас расскажу. В датском языке есть буква d, которая обозначает звук, получаемый путем высовывания языка и произнесением чего-то среднего между русскими звуками [л] и [д] – как будто вас тошнит.

Да дело даже и не в звуке, а, ну как бы сказать, для юной 22-летней леди как-то не пристало вот так язык на стол вываливать.

Есть еще и гортанная [p], которая произносится [xp], как при приступе эпилепсии. (Шведы шутят, что если положить в горло ком и попробовать с ним говорить, то получится датский.) Я решила задачу следующим образом: стала произносить звук [d] как русский [л], а гортанный [xp] как обычный [p]. Поэтому, когда все по-пионерски повторяли за преподавательницей «яй паса гхрина» («я пасу свиней!»), я произносила «грин», совершенно не понимая, зачем мне эти свиньи вообще и начинала подозревать, что учебники, по которым нас учили – не обновлялись со времен земельной реформы 1919-го года. Седая датская леди замолкала, смотрела на меня с укором и начинала снова.

Надо сказать, датские осторожность и сдержанность показательно просвечивают через язык. Вместо «мне нравится» дословно они говорят «я могу это вынести». Вместо утверждений – вопросы: «Следует ли нам отправиться на прогулку?», «Стоит ли нам зайти в кафе?», однако не в случае вашего вторжения на их родную датскую землю. Тут они исключительно прямолинейны: «Hvad laver du i Danmark?» (Что ты делаешь в Дании?). Насколько приехал (а) и когда отсюда уедешь? Какие у тебя здесь планы?

Еще одна особенность датского языка – пишу, как надо, а произношу, как хочется. Из 10 букв в слове могут читаться только пять. К примеру, слово «конечно» пишется как *seføldelig*, а произносится [sofēli] – по-нашему [софёли]. Поэтому чтение незнакомого текста походило на игру «угадайка». Вот мы и угадывали. У кого-то получалось хуже, у кого-то лучше, у меня почти никак. Дело в том, что тут почти нет определенных правил произношения, часто надо просто запомнить, как слово «говорится». Но моей голове до компьютера далеко, поэтому, когда я читала, учителя вежливо отворачивались, скрывая улыбку.

В конце первого занятия датская учительница Дитта задала домашнее задание. Наверное, мой взгляд слишком очевидно трансформировался из панического в трагический, потому что все захихикали. Я пыталась найти отклик в глазах одноклассников: как это можно учить? как запоминать? как можно на этом разговаривать? Все сочувствующе, но не без превосходства кивали головами: «Мы же научились! Через месяц заговоришь».

Что у меня шло хорошо – датский письменный. Надо сказать, грамматика в датском почти никакая. Исключений мало. Правил – мало. Если много читать и хорошо работает зрительная память, будешь писать автоматически. Так что через несколько месяцев я могла уже осилить чтение легких газетных статей. Но вот говорить – мама дорогая! Искренне завидовала одноклассницам, которые просили в магазине «Яй виль генэ ха ин ис» (*Jeg vil gerne have en is* – «хочу мороженое»). Я же приходила и тыкала пальцем: «this one... and this one... and that one». И еще я никогда не научилась по-датски, как последний издох умирающего, произносить слово «да» (*ja*, а скорее *jeeahhh*). Можно не верить, но датчане вот так всей страной умирают по многу раз в день – и при этом очень естественно.

Но одну очень важную функцию датский язык все-таки выполнил: его непостижимое человеческому уху произношение заинтересовало меня в том, как воспринимается на слух иностранца наш, русский. Кто-то говорил, как камень с горы катится, кто-то называл его свистящим, жужжащим и шипящим, другие же утверждали, что русский звучит по-разному в зависимости от того, кто на нем говорит. Например, у женщин получается музыкальней. И правильно говорят, чтобы хорошо выучить язык, важно именно это – услышать его музыку. У многих выходит даже с датским, из чего я и сделала вывод, что выучить его все-таки можно. Я знаю русских и украинских людей, которые разговаривают на датском в совершенстве, учатся на юридических курсах и даже пятичасовые экзамены на «отлично» сдают. Для меня все это до сих пор воспринимается как очевидное и невероятное, даже несмотря на то, что в будущем я больше года проработала в компании, где со мной говорили только по-датски.

Поэтому не верьте людям вроде меня, которым медведь наступил на ухо, и если есть желание – принимайтесь за работу! А для облегчения задачи я представляю вам список наиболее употребляемых датских слов и выражений... С ними вы не пропадете даже в самой глухой местной деревне!

Rølse (пёльсэ) – сосиска или хот-дог

Penge (пéн'е) – деньги

Tilbud (тíльбул) – скидка

Kaffe og kage (ка́фе о кéэ) – кофе с кексом

Hvor kommer du fra? (во ка́мма ду фра?) – откуда ты?

Dum (дум) – дурак

Hvad laver du i Danmark? (ва ле́уа ду и дэ'нмак?) – что ты делаешь в Дании?

Gratis (гра́тис) – бесплатно!

øl (эль) – пиво; [э] – что-то среднее между русскими звуками [о] и [ё]

Fadøl (фэ́дэль) – пиво разливное

Smukke pige (смúкке пúя) – красивая девочка (девушка-женщина-бабушка)

Dejligt! (да́йлит) – прекрасно!

Пользуйтесь, дорогие друзья! Gratis!;)

С тряпкой в руках

Екатерина Грезина

Иностранцы шутят, что заветная мечта русской au pair – приехать в дом одинокого холостяка, и русские готовы жить где угодно, только не в России. Вечера у камина, состоятельный муж, восхищение русских подружек и устроенный быт – предел мечтаний наших девушек о Европе. Гуляя по влажным затуманенным мостовым, разглядывая сказочные фахверковые дома и черепичные башенки, заманчивые витрины со сладостями (настоящее «хюге!»), я понимала их – и? может быть, даже хотела бы того же самого. Лишь одна заноза омрачала мне счастье западной свободы, и имя ей – Макс.

«Не знаю, Катик, почему, но я не страдаю здесь той депрессией, какая у меня была в России – времени на раздумья нет. И я как-то научилась находить счастье в малом. Смотрю сегодня в окно, а там горы, солнышко и снег, и думаю про себя, а когда еще я увижу такое, пусть и с тряпкой в руках! Я почувствовала себя такой счастливой, пылесосила, песни русские распевала! Австрийцы мои уехали куда-то на весь день. Себасти (тот поляк) все скидывает СМС – я не отвечаю, ушла по-английски. Ты правильно говорила – с ненужным надо расставаться сразу и без сожаления. Встретаться ради того, чтобы остаться здесь, не хочу, хоть он и намекает. Я знаю, что такое любовь, и знаю, что она есть, знаешь и ты... И не наивность это, а вера в прекрасное – просто верящих людей очень мало на свете! Но они есть, и мы их обязательно с тобой встретим! А люди, ищущие только материальное, никогда не будут счастливы. Ложные чувства приведут только к потере самих себя. Целую, и знай, что дорожке подруги нет на свете... Кому бы я смогла написать всю эту чушь!»

Щелкаю по кнопке «Ответить»: «Привет, вторая половинка моей русской души! Я тоже решила „расстаться“ с Ричардом...»

Вторая половинка моей русской души звалась Аней. Это именно с ней мы, как и тысячи российских девушек, в свое время испытали на себе «преимущества» культурного обмена au pair. Университетская подруга, выпускница иныа, уехала совершенствоваться немецкий в Австрию, а я отважно выбрала туманную скандинавскую страну. В загадочной стране Андерсена с ее загадочными обитателями адаптироваться оказалось сложнее – так как ты никогда не знаешь, что происходит в их холодных светловолосых головах. Кто-то из прибывших с нами уходил сразу, кто-то выстаивал, но неизменно мы поддерживали друг друга на поприще прислужничества, в которое европейцы превратили программу. Суровыми датско-австрийскими вечерами нас с Аней спасали обстоятельные и, как мы верили, глубокомысленные, эпистолярные сочинения друг другу.

Сегодня за обедом хозяйка не перемолвилась со мной ни словом (порой они и с мужем проводят весь ланч в тишине). Деловито она резала кружочками банан, намазывала на черный хлеб масло и накладывала банан на бутерброд. Если у нее кризис среднего возраста, то почему он начался именно в то время, когда приехала я?

– Какой интересный бутерброд! Это вкусно? – я рискнула первой.

– Угу.

– Необычное сочетание.

– Ммм.

– Мы так не едим, надо попробовать.

– ...

– А Нильса не будет сегодня?

– Угу.

– Хэлена, что-то не так? Я сделала что-то неправильно?

– Ты протирала пыль с голубого стола? – наконец, её прорвало.

– Конечно.

– Пойдем за мной!

Я смотрела на совершенно чистый, еще пахнувший мылом стол и не соображала, что же не так. Хозяйка согнулась под столом в позе, которой позавидовали бы тибетские йоги, и провела пальцем по внутренней стороне ножки, оставляя чуть заметный след.

– Поняла, сейчас протру, – вздохнула я.

– И еще, когда ты моешь пол или стираешь пыль, будь добра, ставь предметы так, как они стояли до этого! И снимай стулья со стола!

Я набрала в легкие воздуха. Раз-два-три...

– И еще: каким средством ты протирала вчера раковину?

– Тем, в голубой бутылке.

– Надо мыть, которым в белой, – неделю назад она твердила, что в голубой.

И я, ненавидя себя до последнего сантиметра, побрела исполнять ее приказания. «Что я здесь делаю, в этой чужой стране с этими чужими людьми? Почему я еще здесь?» – мучал меня глубокий экзистенциальный вопрос, на который я пока не находила ответа. Для чего-то же я решилась на это отважное приключение. Какой-то из этого должен быть толк?

За полдником я недосчиталась одной тарелки. Стульев тоже было только восемь.

– Клаус придет? – спросила я у хозяйки.

– Да.

Значит, в списке гостей нет меня.

Для этих людей меня просто не существует. Это еще хуже, чем экзистенциальный кризис: когда ты точно знаешь, что ты есть, но другие постоянно заставляют тебя в этом сомневаться.

Нильс умеет кричать

«Гольф» Нильса глох уже второй раз.

– Ты действительно хочешь, чтобы я отвезла тебя домой?

– Кейт, у тебя же есть права – в чем дело? – Нильс требовал отвезти его домой из летнего домика за городом на ферму. Хозяин слегка выпил, и его, вероятно, тянуло на подвиги.

Я повернула ключ зажигания.

– Я давно не водила.

– Ну и что, у тебя же есть права!

– Да... Но практики было немного.

Я решила не рассказывать, что обычно в России сначала получают права, а потом учатся водить.

– Если научилась один раз, уже не забудешь. Так что поехали.

Два раза меня отправляли с экзамена, хотя теорию сдала сразу. На третью попытку экзаменатор выпустил в меня весь пар от первых трех соискателей «Была бы моя воля, выгнал бы вас всех к чертовой матери!» Я оправдывалась, что права нужны за границу – для корочки. Мужичок, закрутив ус, произнес: «Ну, немцев-то подави, подави, им полезно!» и вывел «зачтено» в экзаменационный лист. В тот вечер мы обмывали права. Кто-то орал во все горло: «Катка, я теперь вообще не буду через дорогу переходить!»

Нильс так легкомысленно отнесся к моим предупреждениям, потому что в Европе (не только в Дании) процедура получения водительского удостоверения дорогостояща и утомительна. За один час вождения иностранцы платят порядка 25—50 евро, и пока не научатся ездить (хорошо ездить), права им никто не даст! Даже по великому знакомству. Нильс с упоением рассказывал, как в Дании водители уважают друг друга и как просто здесь ездить. Не то что, например, в Испании, где в багажник его датского соседа, тормознувшего на желтый свет, втреснулись 20 машин. Датчане предельно осторожны на дорогах, потому что отремонтировать свои автомобили стоит здесь порой – и это не выдумка – скандинавского месячного заработка, а налоги на автомобили космически высоки! При покупке датчанин должен оплатить налог на регистрацию машины в 105 процентов от авто стоимостью до 10.000 евро и почти тройную цену для дорогих машин...

Наконец-то вырuling из ворот. И, кажется, благополучно. Ну, Нильс, прокачу тебя с ветерком!

– Что? – он странно поглядывал на мой свитер с дырочками и краснел. Я заранее продумывала алгоритм действий, если он положит руку мне на коленку.

– Получается, говорю! – я была в восторге.

Мы ехали по узкой проселочной дороге вдоль леса.

– Теперь сюда сверни!

Меня удивила доверчивость, с которой Нильс сел со мной за руль. Он даже не боится за старый «фольксваген», который здесь стоит в два раза дороже, чем во всех нормальных странах? Вот что значит – датская вера в систему.

– Теперь сюда.

– Понятно.

– Третью переключай.

– Ок.

Я развила скорость до девяноста. После четырех вечера на дорогах практически нет машин, а после семи – и вовсе. Типично датская особенность. Сейчас шестнадцать тридцать.

Небо намекало на ночь. Проезжая мимо соседней деревни, я не увидела на улице ни души. В России в это время все только начинается... Мои философские раздумья прервал Нильс:

– Кейт, что ты делаешь! Поворачивай! Скорость сбавь, говорю! Скорость! Ру-уль!

В тот вечер я поняла, что Нильс умеет кричать. Красные придорожные столбики отскакивали из-под колес, как дрова из-под топора дровосека. Он дернул ручник – машина остановилась посреди кустов, поддев странный зеленый ящик. Хозяин пулей вылетел из «фольксвагена» – я приходила в себя.

– Вон из машины! – думает, он один испугался?

Зеленый ящик оказался электрогенератором с кучей проводов внутри... Он проверил, все ли в порядке, прыгнул за руль, и мы, озираясь по сторонам, уехали.

– Нильс, ты сердишься на меня?

Он не улыбался.

– Не сержусь, но про машину забудь.

Утром хозяин первый сказал мне «Привет!» – я заметила, он не мог смотреть на меня без улыбки: «Ну что, продолжим уроки? Машина Хэлэны еще цела!» Я сама предложила оставить мою зарплату на ремонт «гольфа». Он обещал подумать, чем только добавил головной боли.

Журналист

© Сергей Корсун

Когда я зашла в свой датский класс, он напомнил мне начальную школу много лет назад. «Дети» чинно сидели, положив перед собой тетради, учебники и пенал. Датская учительница Дитта возбужденно тараторила на своем языке. Карина перевела, что к нам придет журналист из издания *Jydske Vestkysten* (ежедневная «районная» газета с заголовками «Пора урожая», «В городе объединяются два магазина», «Жертвам ограбления вернули похищенное»). «И еще, – умоляюще добавила она, – скажите, пожалуйста, что-нибудь хорошее о школе».

Я ожидала увидеть черного от сигарет мужичка с камерой на худеньких плечах, для которого слово «журналистика» давно уже стала синонимом рутины. В класс зашел довольно свежий мужчина средних лет. Массивный «Олимпус» казался миниатюрным на фоне его живота. Репортер выглядел счастливым и бодрым. Он отвесил классу поклон и уселся на Лирино место у двери.

«Итак, начнем урок!» – сегодня на Дитте был черно-белый полосатый шарф и такие же гетры, надетые под мокасины. «Если ей к спине приделать пропеллер, то получится что-то среднее между Карлсоном и Винни-Пухом», – прошептал Паша. Я нагнулась под парту, чтобы скрыть приступы смеха. Соседка Ира тоже делала вид, что ищет что-то под столом.

«Всем привет!» – дверь с грохотом растворилась, явив классу Лилю. Подруга с недоумением уставилась на свое непустующее, место. В следующий момент она уже подлетела к журналисту и хлопнула его по плечу: «Ты новенький? Ну ладно, сиди! Но на будущее – это мое место!» – и, улыбнувшись ему самой ослепительной улыбкой, уселась на соседний стул. Представитель прессы в оцепенении, как реагировать на это такое дружелюбие (в Дании даже закадачные друзья друг с другом так не здороваются), глупо улыбался. Держаться нету больше сил. Мы с Ирой, Паша и еще полкласса зашлись в истерике. Дитта раздумывала, бежать ей отсюда или присоединиться к общему веселью.

– Да что вы все смеетесь-то? – одна Лиля не понимала, что происходит.

– Лиль, это журналист. Из газеты, – я давилась слезами, – пришел писать про наш класс.

– Че, серьезно?! – она хлопнула мужика по плечу еще раз. – Яй хила Лиля! Яй эа фиа тювэ о. Яй фра Руссланд, всем классом мы изумились ее запасу датского. – *From Magadan! Do you know where Magadan is? No problem, I will show you!* И, подбежав к карте, с треском опустила ее и стала водить пальцами по изображению России.

– Нет, я не пойму, почему он не фотографирует? – она снова улыбнулась журналисту, изображая щелчки фотосъемки, но тот уже доставал камеру, понимая, что подобного кадра

больше не предвидится. Впоследствии Лилин портрет с ослепительной улыбкой и указательным пальцем на Магадане появился на первой полосе местной районки. Она с восторгом показывала ее всем окружающим и даже выслала несколько экземпляров домой. Статья начиналась со слов «Студенты рассаживаются по местам, и начинается урок...». Только вот Карина возмутилась, она была азербайджанкой, а журналист ее отправил в Чечню.

После урока меня, Лилю и украинца Сашу выбрали на интервью. Журналист спрашивал, сложный ли датский язык, знаем ли мы Андерсена, про цели поездки в Данию и что нам здесь особенно нравится (самый любимый датчанами вопрос). Лилия не успела открыть рот, как Карина зашептала ей, как адвокат подсудимому: «Что ты хочешь сказать? Посоветуйся со мной... Не говори по-английски, а лучше вообще ничего не говори...»

– Ну, а что-то вам, может быть, НЕ нравится в Дании? – журналист отрешенно дослушивал Сашу об уникальности сказок Андерсена, из которых украинец знал одну «Русалочку», и ту не читал. Я не поверила своим ушам. Хоть датчане и не лишены чувства юмора, но им и в голову не приходит, что кому-то может не нравиться в их стране. Наверное, перепил ядерного кофе из автомата.

– Я буду по-английски, можно? – старалась игнорировать я умоляющие взгляды Карины.

– Многие девушки едут в вашу страну как au pair. Почему при всем высоком уровне датской культуры, почтению к традициям и законам, отношение к ним совсем не цивилизованное? Нас заставляют делать не то, что прописано в контракте, грозят депортировать на родину, некоторым задерживают выплаты и даже просят питаться отдельно от семьи! Во многих семьях царит настоящий произвол по отношению к au pair. Андерсен проповедовал добро и истинные человеческие ценности, почему же его соотечественники зачастую игнорируют их?

Лучше-ка я не буду смотреть на Карину.

– Я понимаю вас, – он был слегка обескуражен ходом интервью, – просто, видите ли, мы еще не определились до конца, как относиться к иммигрантам. Больше половины криминала – от тех, кто приезжает сюда из других стран, и обычно они не настроены работать и изучать датскую культуру, а лишь получать деньги от государства. Мы сами очень законопослушный народ и не стали бы относиться к людям плохо, если бы они не зарекомендовали себя так. Притом, я думаю, есть специальные меры, которыми можно пресечь несправедливость. Только нужно самим не бояться и бороться за правду.

Пухлое лицо журналиста выказывало истинные сострадание и гуманность.

Он был прав. Если бы первые из нас, кто ехал по программе, не опустили головы, спины и колени, а лучше юбки пониже – к нам бы так сейчас не относились.

В аудитории повисла трагическая тишина.

– Ах да, – вступил вдруг Саша, который во время всего разговора искал в «Википедии» название других сказок Андерсена, – вот я же совсем ничего не сказал про «Свинопаса»! А эта сказка у нас, между прочим, включена в список обязательной школьной программы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.